

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.28>

Корниенко Алексей Геннадиевич

А. ШОПЕНГАУЭР И М. ХАЙДЕГГЕР О ФЕНОМЕНЕ СКУКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается практически не затронутый как в отечественной, так и в зарубежной исследовательской литературе вопрос об интерпретациях феномена скуки в работах А. Шопенгауэра и М. Хайдеггера. При исследовании взглядов на природу феномена скуки А. Шопенгауэра в контексте его метафизического учения о воле как вещи в себе, а также интерпретацию скуки как фундаментального настроения, предложенную М. Хайдеггером, и проведении сравнительного анализа данных интерпретаций автор приходит к выводу о наличии очевидных сходств и историко-философских параллелей в трактовках феномена скуки, предложенных обоими мыслителями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/28.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 147-152. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 141.5

Дата поступления рукописи: 16.08.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.28>

В статье рассматривается практически не затронутый как в отечественной, так и в зарубежной исследовательской литературе вопрос об интерпретациях феномена скуки в работах А. Шопенгауэра и М. Хайдеггера. При исследовании взглядов на природу феномена скуки А. Шопенгауэра в контексте его метафизического учения о воле как вещи в себе, а также интерпретацию скуки как фундаментального настроения, предложенную М. Хайдеггером, и проведении сравнительного анализа данных интерпретаций автор приходит к выводу о наличии очевидных сходств и историко-философских параллелей в трактовках феномена скуки, предложенных обоими мыслителями.

Ключевые слова и фразы: скука; время; негативное удовольствие; страх; ужас; фундаментальное настроение; негативность Dasein.

Корниенко Алексей Геннадиевич

Санкт-Петербургский государственный университет
akornienko@yandex.ru

А. ШОПЕНГАУЭР И М. ХАЙДЕГГЕР О ФЕНОМЕНЕ СКУКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Введение

Среди многочисленных вопросов, на которые историкам философии еще только предстоит найти ответы, особое место занимает вопрос о возможной преемственности между философией Шопенгауэра и экзистенциальной философией. Особая значимость этого вопроса или, по крайней мере, особый историко-философский интерес, пробуждаемый этим вопросом, обусловлен, в первую очередь, тем, что авторы, традиционно причисляемые к кругу экзистенциально-ориентированных философов, ни в коей мере не были склонны рассматривать Шопенгауэра в качестве близкого по духу мыслителя и тем более в качестве своего предшественника. Более того, Шопенгауэр воспринимался ими исключительно как последний философ уходящей эпохи, наследие которого должно было быть преодолено и оставлено в прошлом. Общая метафизическая ориентация мышления Шопенгауэра, претензии высказать предельную истину о мире и человеке и систематический характер изложения его мысли – все это в начале XX века казалось не соответствующим запросам современности и отталкивало мыслителей, которые одну из главных своих задач видели именно в переориентации философии, в придании ей нового смысла. Однако этот факт вовсе не отменяет факта наличия многочисленных параллелей в творчестве Шопенгауэра и в работах экзистенциальных философов, которые бросаются в глаза даже самому неискушенному читателю. Неудивительно, что на эту неспособность или нежелание увидеть отблеск или даже отражение собственной мысли в мысли другого, порою столь очевидно обнаруживающие себя в неприятии философии экзистенциализма мысли Шопенгауэра, обратили внимание и профессиональные историки философии. Так, еще в 1962 году, в рамках конференции, посвященной проблеме преемственности между философией Шопенгауэра и экзистенциальной философией, А. Хьюбер [9, S. 3] (один из наиболее влиятельных исследователей творчества Шопенгауэра и издатель его рукописного наследия) отмечал близость в проблематике, характерную для представителей обоих течений европейской мысли, доходящую порою до разительного единства в выборе терминологии. Однако на сегодняшний день как в отечественной, так и в зарубежной литературе так и не появилось исследования, в полной мере освещающего данную проблематику. Разумеется, в рамках представленной статьи окончательное решение вопроса о возможной преемственности между философией Шопенгауэра и экзистенциальной философией, в силу его масштабности, не представляется возможным, поэтому автором будет предпринята попытка осветить только одну из многочисленных граней данной проблемы, а именно вопрос о возможных параллелях в интерпретации феномена скуки (*Langeweile*) в философии А. Шопенгауэра и М. Хайдеггера. Соответственно, **целью** данной статьи является выявление сходств и различий в трактовке феномена скуки, предложенных М. Хайдеггером и А. Шопенгауэром. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**: 1) рассмотреть интерпретацию феномена скуки, предложенную Шопенгауэром, в контексте его метафизического учения о воле как скрытой сущности мира и вещи в себе; 2) рассмотреть интерпретацию феномена скуки, предложенную Хайдеггером, в контексте его учения о фундаментальном настроении как определенном способе бытия-здесь, в котором бытие *Dasein* открывается во всей своей тотальности и подлинности; 3) на основании полученных результатов провести сравнительный анализ интерпретаций феномена скуки, предложенных обоими мыслителями, и сделать вывод о наличии в них сходств и различий.

Что касается **актуальности** представленного исследования, то здесь следует обратить внимание на широко известный тезис Хайдеггера, согласно которому скука является фундаментальным настроением, задававшим основной тон духовной жизни современного ему общества. Это утверждение Хайдеггера, судя по всему, не теряет своей значимости и сегодня, на что указывает в первую очередь большое количество публикаций, посвященных анализу данного феномена [5-7; 10]. Используя средства, имеющиеся в распоряжении антропологии, истории, культурологии, философии и прочих наук, исследователи пытаются понять, почему именно скука, а не радость или, скажем, страх, стала неразрывным спутником человека в постиндустриальном обществе.

В контексте поисков ответа на этот вопрос представленное исследование приобретает особую актуальность, поскольку именно сравнительный анализ различных интерпретаций этого феномена (в данном случае интерпретации Хайдеггера и Шопенгауэра) в историко-философском ключе способен раскрыть те скрытые, глубинные течения в общем движении европейской мысли, которые и сформировали сегодняшнее расхожее представление о скуке в сознании обывателя.

Следует также отметить, что представленная статья обладает определенной **научной новизной** в силу того, что в ней, в отличие от имеющихся на сегодняшний день исследований, посвященных анализу феномена скуки в истории европейской мысли (где вопрос о возможных параллелях в интерпретации феномена скуки в философии А. Шопенгауэра и М. Хайдеггера практически не поднимался или ограничивался самым общим изложением интерпретаций данного феномена), указывается не только на сходства и различия выводов, к которым приходят оба мыслителя в своей интерпретации скуки, но и предпринимается попытка выявить параллели, прослеживающиеся в выборе аргументативных стратегий и общем ходе развертывания мысли обоих философов, предшествовавшим этим выводам.

Феномен скуки в интерпретации Шопенгауэра

В своей интерпретации скуки Шопенгауэр¹ опирается на трактовку, предложенную Кантом, который, как известно, обращается к анализу скуки в своей «антропологии». В целом эта трактовка вполне вписывается в рамки просветительских представлений². Скука в получивших в то время широкое распространение педагогических и медицинских текстах предстает главным образом как пустое, ничем не заполненное или нерационально потраченное время. Скуке в большей мере подвержены люди «культурные», чем «естественные», и ее следует сторониться, взяв на вооружение ряд техник. С точки зрения Канта, действенным орудием в борьбе со скукой является умеренная интеллектуальная активность, а также карточные игры и курение табака. Причину появления скуки Кант описывает следующим образом: «ощущение жизни» есть не что иное, как постоянный выход из одного эмоционального состояния в другое, человек обречен на протяжении всей жизни постоянно находиться в поиске удовольствий. В случае если человек имеет неограниченный доступ все к новым и новым удовольствиям, они перестают быть таковыми и человек неизбежно впадает в скуку. Таким образом, Кант формулирует представление о человеческой жизни как о своеобразном маятнике, обреченном раскачиваться между страданием и удовольствием, где скука является как бы естественной остановкой маятника на полюсе удовольствия. Шопенгауэр вносит в эту трактовку существенные изменения. Если у Канта человеческая жизнь, подобно маятнику, была обречена раскачиваться между страданием и удовольствием, между пустотой и наполненностью, где скука была лишь частным случаем избыточной наполненности, то у Шопенгауэра она занимает место одного из полюсов этого непрерывного движения³. И жизнь человека в его философии оказывается вписанной в рамки не между страданием и удовольствием, а между страданием и скукой. Для того чтобы нагляднее продемонстрировать это различие, обратимся к следующему утверждению Канта: «Наслаждение есть удовольствие через чувство; и то, от чего чувство испытывает удовольствие, называется приятным. Страдание есть неудовольствие через чувство, и то, что вызывает его, неприятно. Они противоположены друг другу не как приобретение и отсутствие “+ и –”, а как приобретение и потеря (+ и –), т.е. не только как противоречие, но и как противоположность» [1, с. 472]. Как видно из приведенного отрывка, Кант склонен приписывать удовольствию позитивный характер и понимает его прежде всего как противоположность страданию. В свою очередь, Шопенгауэр рассматривает удовольствие исключительно в негативном ключе, а именно как отсутствие страданий⁴. Если у Канта формализованная запись отношения между страданием и удовольствием предстает как «+ и –», то у Шопенгауэра то же отношение будет записано как «– и 0». Понимание удовольствия исключительно как негативного удовольствия обусловлено взглядами Шопенгауэра на природу человека и мира в целом. Мир есть не что иное, как проявление воли, слепого и бесцельного стремления быть и самоутверждаться. Соответственно, и всякое проявление человеческой активности, всякое волевое движение продиктовано этим внемировым, трансцендентным принципом. Однако, если воля как вещь в себе в силу самой своей сущности никогда не перестает желать,

¹ Шопенгауэр обращается к развернутому анализу феномена скуки в двух своих произведениях – это прежде всего «Мир как воля и представление» и “*Parerga und Paralipomena*”. Наше внимание будет обращено в первую очередь на работу «Мир как воля и представление», поскольку именно в этом произведении система философии Шопенгауэра изложена в полном объеме, что позволит нам наглядно показать, каким образом трактовка понятия скуки, предложенная Шопенгауэром, обусловлена его метафизическим учением о воле как скрытой сущности мира и вещи в себе.

² На этот факт указывает в своей работе, в которой представлен исчерпывающий анализ истории скуки как философского понятия, Ю. Гроссэ [7, S. 63–69].

³ «Основа же всякого желания – это потребность, нужда, т.е. страдание, так что человек подвластен ему уже изначально и по самой своей природе. Если же у человека не оказывается объектов желания, потому что слишком легкое удовлетворение тотчас же отнимает их у него, то его одолевает страшная пустота и скука, т.е. его существо и сама жизнь становятся для него невыносимым бременем. Таким образом, его жизнь качается, подобно маятнику, взад и вперед между страданием и скукой, на которые действительно распадается в своих последних элементах вся жизнь» [4, с. 266].

⁴ Следует отметить, что вопрос о негативном характере удовольствия в философии Шопенгауэра на сегодняшний день продолжает оставаться открытым. Так, в последние два десятилетия в зарубежной исследовательской литературе появился ряд работ, в которых авторы оспаривают этот общепринятый тезис [8, p. 124; 12, p. 571]. Однако в этих работах оспаривается исключительно негативный характер удовольствия, доступного человеку в акте эстетического созерцания, а именно при созерцании чего-то возвышенного. Что, в свою очередь, нисколько не противоречит тезису о чисто негативном характере удовольствия, переживаемого обывателем в повседневной жизни.

то и человек никогда не способен прийти к окончательному удовлетворению всех своих желаний. Именно поэтому удовольствие есть не что иное, как кратковременное избавление от страданий и ничего более того. Таким образом, удовольствие в схеме Шопенгауэра смещается от одного из противоположных полюсов «движения маятника» и занимает лишь промежуточное положение между страданием и скукой. Теперь нам следует прояснить, почему же скука в философии Шопенгауэра становится чем-то большим, чем просто переизбыток удовольствий или полное отсутствие страданий, почему она выносится в качестве отдельно стоящего полюса движения маятника.

Как мы уже отмечали ранее, с точки зрения Шопенгауэра всякое волевое движение в жизни человека есть проявление воли как внемирового, трансцендентного принципа. Однако между волей как проявленной или «объективированной» и волей, если так можно выразиться, «абсолютной» нельзя ставить знак равенства, не сделав одной существенной оговорки. Шопенгауэр отмечает, что волю как вещь в себе (*Wille*) следует отличать от воли как индивидуального волеизъявления (*individuelle Wille*), поскольку первая лежит за границами принципа индивидуации (пространства и времени), она едина и неделима, безусловна и лишена всякого целеполагания. Воля в этом случае есть лишь слепое стремление быть и самоутверждаться. При этом такая, если так можно выразиться, онтологическая характеристика воли как вещи в себе выражается на уровне онтического в совершенно ином ключе. Человеческое воление как индивидуальное проявление мировой воли всегда опосредованно и обусловлено, оно всегда погружено в ряд выстроенных интеллектом конечных и взаимообусловленных причин и следствий, всегда имеет конкретную цель или, если выражаться в терминах Шопенгауэра, всегда обусловлено определенным мотивом. Удовлетворение именно этих частных желаний, обусловленных мотивами, приносит удовольствие или, точнее, на время избавляет от страданий. Таким образом, человек в опыте обыденного существования обречен скользить по поверхности мира, постоянно гнаться за мнимыми удовольствиями, не осознавая, что конечная цель его устремлений никогда не будет достигнута, просто потому, что ее нет и не может быть, поскольку это бесконечное и непреодолимое «желание чего-то желать» составляет саму его сущность. Другими словами, интеллекту, который ответственен за постоянное производство мотивов, доступно лишь знание о «где, когда, почему и для чего», но никогда «что?». Как отмечает Р. Дёрендаль, это понимание, что есть «что» воления, доступно человеку в системе Шопенгауэра не в опыте переживания страдания или удовольствия, а исключительно в опыте скуки [6, S. 14]. При этом автор отмечает, что такая трактовка понятия скуки Шопенгауэра напрямую связана с теми временными коннотациями, которые отчетливо различимы в немецком *Langeweile* (*Lange-weile* дословно «долго-длящееся время»)¹. Описанный Шопенгауэром опыт скуки представляет собой одновременно экспликацию особого опыта переживания времени, недоступного в опыте удовольствия или страдания. Так, постоянная погоня за удовольствием или непрекращающаяся попытка убежать от страданий представляют собой опыт линейного времени, разбитого на отрезки и предполагающего поступательное движение от «сейчас» к «потом», каждый из которых имеет свою собственную значимость. В таком опыте времени всегда есть место для мечты и разочарования, а значит есть возможность ускользнуть от прямого взгляда в лицо своей собственной сущности. Страдая, человек вынужден торопить имеющееся в его распоряжении время, дабы поскорее выйти из томительного «сейчас» и оказаться в желаемом «потом». Получая удовольствие, человек не приобретает ничего, кроме ощущения отсутствующего страдания и надвигающейся пустоты, в этом моменте опустошенного «сейчас» он уже в шаге от скуки, что вынуждает его обратиться к поиску новых удовольствий, выталкивает его навстречу новому сейчас. Это, если так можно выразиться, кантовское время, время как математическая последовательность, в котором возможна смена периодов эмоциональной пустоты и наполненности. В то время как в опыте скуки человеку доступен опыт циклического времени, постоянное раскачивание или кружение между страданием и удовольствием, в котором «тогда» и «потом» как бы конденсируются и стягиваются в одно нестерпимое и неразличимое «сейчас»². Другими словами, опыт линейного времени, доступного в удовольствии или страдании, в опыте скуки как бы углубляется и становится опытом циклического времени, где каждое новое сейчас не отлично от потом. Именно в таком долго-длящемся, практически оставившемся времени человеку открывается его истинная сущность, понимание того, что он есть не что иное, как слепая и бесцельная воля, которая никогда не останавливается и не устает. Таким образом, скука есть предельное состояние, или, если мы воспользуемся термином Хайдеггера, фундаментальное настроение, поскольку именно в нем человеку открывается истина о самом себе и мире. Теперь, рассмотрев понятие скуки в философии Шопенгауэра, мы можем перейти к анализу соответствующего понятия в философии Хайдеггера.

Феномен скуки в интерпретации Хайдеггера

К феноменологическому анализу скуки как фундаментального настроения Хайдеггер обращается в цикле лекций, прочитанных в 1929-1930 годах, – «Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Одиночество» [3]. Следует отметить, что это обращение к скуке до сих пор является предметом пристального интереса

¹ Следует отметить, что, по мнению подавляющего большинства исследователей, немецкое слово *Langeweile* приобретает свое сегодняшнее значение лишь во второй половине XVIII века. Как отмечает М. Кессель [10, S. 19], впервые это слово появляется в немецко-латинском словаре 1537 года, однако до конца XVIII века его единственным семантическим значением оставалось просто «долго-длящееся время» (*lange-weile*), и только в эпоху Просвещения оно обогащается еще и субъективным значением, которое со временем становится основным, а именно ощущением, скукой, оказываясь в один семантический ряд с латинским *acedia* и французским *ennui*. Именно в этом значении используют *Langeweile* Кант, Шопенгауэр и Хайдеггер.

² Р. Дёрендаль наглядно демонстрирует это погружение в сейчас, в циклическое время скуки, противопоставляя его переживанию безвременья, охватывающего человека в акте эстетического созерцания. Если в первом случае человек как бы еще глубже погружается в пучину настоящего, то во втором он совершенно от него избавляется [6, S. 18].

историков философии. Дело в том, что в появившейся двумя годами ранее (1927) работе «Бытие и Время» [2] в качестве единственного доступного фундаментального настроения (*Grundstimmung*), то есть такого настроения, в котором бытие *Dasein* открывается во всей своей тотальности, а не в каком-то определенном аспекте, Хайдеггер рассматривал ужас (*Angst*) [Там же, с. 184], а вовсе не скуку. Более того, в «Бытии и времени» скука вообще не тематизируется Хайдеггером. На сегодняшний день в исследовательской литературе существует несколько в большей или меньшей степени аргументированных предположений, пытающихся объяснить эту кардинальную перемену в предпочтениях Хайдеггера. Поскольку в рамках данной статьи рассмотрение всех этих концепций выглядит не только невозможным, но и просто избыточным, мы обратимся лишь к той интерпретации, которая позволит нам наглядно продемонстрировать возможные сходства в интерпретации скуки Хайдеггером и Шопенгауэром. Однако прежде чем обратиться к анализу этой концепции, следует сначала определить, какое структурное положение занимал ужас в архитектонике мысли Хайдеггера.

Как уже было отмечено ранее, ужас есть не что иное, как настроение, а именно фундаментальное настроение. В свою очередь, всякое настроение (*Stimmung*) есть не что иное, как модус находимости (*ein Modus der Befindlichkeit*) [Там же, с. 134]. Находимость (*Befindlichkeit*) есть способ бытия-здесь, представляющий собой основной вид открытости (*Erchlossenheit*). В открытости *Dasein* всегда уже как-то относится к миру и самому себе, прежде всякой рефлексии и до всякого познания. Находимость, таким образом, есть онтологически-трансцендентальная структура, являющаяся условием возможности таких настроений, как радость, страх, ужас, скука и т.д., каждое из этих настроений является онтической конкретизацией онтологически-экзистенциального состояния нахождения себя.

В «Бытии и времени» Хайдеггер обращается к анализу двух близких в семантическом отношении настроений, а именно страха (*Furcht*) [Там же, с. 140] и ужаса (*Angst*) [Там же, с. 184]. Однако Хайдеггер подчеркивает не семантическую близость этих понятий, а скорее пытается подчеркнуть феноменологические различия, свойственные двум этим настроениям. Если страх – это всегда боязнь чего-то определенного, настроение, присущее измерению неподлинности, в котором собственная конечность и ничтожность воспринимаются только в контексте смерти другого, то ужас никогда не возникает как боязнь какого-то определенного сущего, это всегда «тревога», которая возникает перед лицом Ничто (Ничто как ничто из сущего, но «мир в его мирности»), перед лицом своей собственной конечности и временности. В этом переживании собственное бытие открывается *Dasein* во всей своей тотальности. Таким образом, ужас, в отличие от страха, определяется Хайдеггером не просто как настроение или модус находимости, а как фундаментальное настроение (*Grundstimmung*), тем самым практически нивелируется иерархическое различие между находимостью и настроением как онтологической и онтической структурами. Как отмечает К. Чиочан, в этом различии страха и ужаса как онтического и онтологического настроения проявляется «имплицитный дуализм», присущий хайдеггеровской феноменологии настроения времен «Бытия и времени». С точки зрения автора, именно этот «негибкий» дуализм, предстающий как некая «неэксплицируемая» брешь между подлинным и неподлинным, вынудил Хайдеггера отказаться от представления об ужасе как единственно возможном фундаментальном настроении и обратиться в цикле лекций 1929-1930 годов к анализу скуки [5, р. 67].

В «Основных понятиях метафизики» скука предстает, прежде всего, как некое настроение, которое призвано пробудить в нас изначальную потребность в философствовании. В поисках подобного настроения Хайдеггер приходит к выводу, что скука уже наличествует в нас, но мы продолжаем дремать, не замечая её, погруженные в пучину времени. В этом сне скука может принимать различные формы, и свою задачу Хайдеггер видит в том, чтобы разбудить скуку в ее сущностно-экзистенциальной форме, тем самым пробудить «*Dasein* для самого себя». Самой поверхностной формой скуки является «поскучение от чего либо» (*das Gelangweiltwerden von etwas*) [3, с. 133], характеризующееся непреодолимым желанием изгнать скуку, которая, в свою очередь, самым непосредственным образом связана с особым опытом переживания времени. Время в этом случае течет слишком медленно, оно становится длинным, на что, собственно, и указывает нам язык, ведь «скука» по-немецки есть не что иное, как «долго-длящееся время» (*Lange-weile*). Оказавшись охваченными такого рода скукой, мы силится ускорить время, провести его или даже сбить с рук (*Zeitvertrieb*), заставить его двигаться быстрее от «сейчас» к «потом». Вторая форма скуки, или «скачание при чем-либо» (*das Sichlangweilen bei etwas*) [Там же, с. 175], характеризуется тем, что, в отличие от первой формы скуки, которая всегда направлена или скорее обусловлена каким-то определенным предметом, в этой форме скуки подобный предмет отсутствует. Скуку вызывает скорее сама ситуация (например, званый ужин), в которой оказывается человек. При этом такая ситуация необязательно неприятна, она скорее даже приятна. Опыт времени не столь тягостен, как в опыте поскучения от чего-либо. Время проходит быстро и незаметно, однако по его истечении, оказавшись за пределами этой ситуации, человек ощущает гнетущую скуку, поскольку прошедшее время было потреблено впустую, в том смысле, что *Dasein* находилось в измерении неподлинности, в плоскости *das man*, другими словами, ему не хватало самого себя. Таким образом, вторая форма скуки – это скорее тоска по самому себе, а не какому-то предмету. И наконец, третий вид скуки, или глубинная скука (*tiefe Langeweile*) [Там же, с. 213], кардинально отличается от обоих, описанных ранее. В этой форме скуки мы не обнаруживаем какого-то определенного предмета, наводящего на нас скуку. Она не исходит и из осознания того, что время потрачено впустую, от нехватки подлинного себя, причину ее появления совершенно невозможно понять, подобно «тихому туману», она заполняет все существо *Dasein*. Для того чтобы нагляднее описать эту форму скуки, Хайдеггер не приводит в пример никакой конкретной ситуации, просто потому, что это невозможно, но пользуется специфической синтаксической конструкцией, имеющейся в немецком языке, описывая эту ситуацию с помощью безличного предложения “es ist einem langweilig” (кому-то скучно или просто скучно). Эта обезличенность

подчеркивает тотальность этого настроения, а потому мы не имеем более дела с просто настроением, но с фундаментальным настроением, в котором раскрывается сущностная структура *Dasein*. В глубинной скуке все для *Dasein* становится безразличным, включая своё собственное существование. Время сжимается и конденсируется в одном единственном мгновении (*Augenblick*) – в моменте, требующем решительного действия. Именно в этом мгновении *Dasein* впервые встречается с самим собой и обретает полную свободу.

Таким образом, предложенная Хайдеггером в «Основных понятиях метафизики» концепция скуки решает по сути ту же задачу, которая была возложена им в «Бытии и времени» на такие настроения, как страх и ужас. Скука должна пробудить *Dasein* от дремы неподлинности, переоткрыть его для самого себя. Но если в случае со страхом и ужасом мы имеем дело с жесткой схемой, в которой переход из области онтического в область онтологического не выглядит достаточно проясненным, то трехчастная структурная схема скуки представляется более наглядной и аргументированной. Теперь, проанализировав то, каким образом феномен скуки предстает в философии Шопенгауэра и Хайдеггера, мы можем перейти к заключительной части данного исследования, в котором попытаемся провести сравнительный анализ интерпретаций феномена скуки, предложенных обоими мыслителями, и сделать вывод о наличии сходств и различий в этих интерпретациях.

Заключение

Приступая к сравнительному анализу, обратим сначала внимание на ряд очевидных сходств, прослеживающихся в интерпретациях феномена скуки, предложенных обоими мыслителями, а после на ряд различий.

Во-первых, для обоих мыслителей экспликация вопроса о природе скуки предстает неразрывно связанной с вопросом о природе времени. Опыт переживания скуки есть опыт особым образом переживаемого времени. В этом опыте время, которое в обыденном опыте всегда остается лишь неким горизонтом или фоном, на котором разворачивается существование *Dasein*, открывается как избыточное или излишне очевидное, долго-длящееся.

Во-вторых, оба мыслителя рассматривают скуку в составе трехчастной структуры. У Шопенгауэра это страдание-удовольствие-скука, у Хайдеггера три формы скуки (поскучнение от чего-либо, скучание при чем-либо, глубинная скука). Причем структурные аналогии между двумя этими схемами не ограничиваются тем фактом, что обе они состоят из трех элементов. В обоих случаях мы можем видеть, что каждому структурному элементу этой конструкции соответствует определенный опыт времени. Так, первый элемент (страдание/поскучнение от чего-либо) характеризуется тем, что в обоих случаях человек, переживающий поскучнение от чего-то или страдание, торопит время, пытаясь скорее его «потребить». В свою очередь, второму элементу (удовольствие/скучание при чем-либо) соответствует опыт времени, который можно охарактеризовать как опыт пустого времени (в случае с удовольствием в схеме Шопенгауэра на это указывает его негативный характер, всякое удовольствие есть лишь избавление от страдания). Третьему элементу (скука/глубинная скука) соответствует опыт долго-длящегося или почти остановившегося времени (циклическое время Шопенгауэра / *Augenblick* Хайдеггера).

Наконец, в-третьих, оба мыслителя рассматривают скуку, по крайней мере, в самом радикальном её проявлении, в качестве фундаментального настроения, в котором человеку открывается истина о его собственном бытии. Отрицая положительный характер удовольствия и рассматривая его лишь как промежуточное состояние между страданием и скукой, Шопенгауэр тем самым драматизирует кантовскую интерпретацию скуки и делегирует этому переживанию особые полномочия. В скуке человек остается безучастным к сиюминутным желаниям, всецело захватывающим его в опыте обыденного существования, и познает себя уже не как отдельный индивид, движимый волей к жизни, а как проявления слепой и бесцельной воли, лежащей за границами мира как представления. В свою очередь, Хайдеггер, обращаясь к анализу феномена скуки как фундаментального настроения, усматривает в нем возможность обнаружить более последовательный и наглядный переход из области онтического в область онтологического, отсутствующий в ранее проведенном им в «Бытии и времени» анализе пары настроений страх-ужас. В переживании скуки, разворачивающемся как последовательное движение от поверхностных к наиболее глубинным формам скуки, происходит постепенное пробуждение *Dasein*, завершающееся обретением истины о своем собственном бытии во всей его тотальности.

Что касается различий в интерпретациях обоих мыслителей, то здесь внимание следует обратить на следующие моменты.

Во-первых, говорить о скуке как о фундаментальном настроении в философии Шопенгауэра можно лишь условно и лишь для того, чтобы нагляднее продемонстрировать историко-философские параллели с философией Хайдеггера. В работах Шопенгауэра данный термин не встречается, более того, мы не обнаружим в них и аналитики *Dasein* в строгом смысле этого слова, в контексте которой и возможно употребление этого термина. Однако, как было показано ранее, мы вполне можем утверждать, что общий характер аргументации и те функции, которыми феномен скуки наделяется в философии Шопенгауэра, вполне оправдывают такого рода экстраполяцию.

Во-вторых, даже условно обозначив феномен скуки в философии Шопенгауэра в качестве фундаментального настроения, мы не можем не обратить внимания на следующее различие, на которое указывает Р. Дёрендал [6, S. 29]: переживание скуки в интерпретации Шопенгауэра, в отличие от интерпретации Хайдеггера, не позволяет человеку выйти в измерение абсолютной свободы. Захваченный переживанием глубинной скуки, человек как бы замирает на грани мира как представления. Впервые увидев этот мир в целом и даже заглянув за его границы, узрев его «скрытую сущность» – мир как волю, человек все равно остается в его рамках. Другими словами, человек остается рабом воли, только не своей индивидуальной, а воли абсолютной, воли как вещи в себе. Опыт трансцендирования за границы не только мира как представления, но и мира как воли, доступен с точки зрения Шопенгауэра не в опыте переживания скуки, а отчасти в опыте эстетического созерцания и в полной мере в аскетической практике.

Итак, рассмотрев интерпретации феномена скуки в философии А. Шопенгауэра и М. Хайдеггера и проведя сравнительный анализ этих интерпретаций, тем самым решив задачи и достигнув цели, поставленной во введении к представленной статье, мы можем сделать следующий **вывод**: если Хайдеггер в своем феноменологическом анализе скуки и не обращался напрямую к трактовке скуки, предложенной Шопенгауэром (на что указывают некоторые его высказывания, в которых он всячески дистанцируется от наследия данного мыслителя, и ряд выявленных в процессе сравнительного анализа различий), то, по крайней мере, мы можем утверждать, что оба мыслителя рассматривали феномен скуки в рамках сходной или даже общей парадигмы, на что указывает ряд сходств в выборе аргументативных стратегий (таких, как рассмотрение феномена скуки в составе трехчастной структуры, трактовка переживания скуки как фундаментального настроения) и общем ходе развертывания мысли обоих философов (рассмотрение феномена скуки в контексте вопроса о природе времени). Следует отметить, что этот вывод в целом согласуется с позицией, которую занимает по данному вопросу авторитетный исследователь творчества Шопенгауэра Й. Салакварда: «Представление о негативном характере Dasein, бессмысленности и абсурдности мира, реальности, человеческого бытия и жизни, а также особое внимание к таким основополагающим человеческим настроениям, как страдание, отвращение и в первую очередь скука, – все это основополагающие идеи, которые впервые появляются отнюдь не в философии экзистенциализма, а в философии Шопенгауэра»¹ [11, S. 165]. Однако если Й. Салакварда, как и ряд других авторитетных исследователей, ограничивается лишь этим бесспорно верным, но достаточно общим указанием на некоторую схожесть проблематики, присущую философии Шопенгауэра и философии экзистенциализма, не раскрывая в деталях, в чем собственно заключаются сходства и различия между ними, то в данной статье впервые была предпринята попытка проделать подобное разыскание, пускай и на очень узком, локальном участке данной проблемы, в вопросе об интерпретации феномена скуки в философии Шопенгауэра и Хайдеггера. Тем самым представленная статья может рассматриваться как первый шаг в решении более общего и чрезвычайно интересного вопроса о возможной преемственности между философией Шопенгауэра и философией экзистенциализма.

Список источников

1. **Кант И.** Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения: в 6-ти т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 350-588.
2. **Хайдеггер М.** Бытие и Время / пер. с нем. В. В. Бибихин. М.: Академический Проект, 2013. 460 с.
3. **Хайдеггер М.** Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Одиночество / пер. с нем. В. В. Бибихина, А. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2013. 591 с.
4. **Шопенгауэр А.** Собрание сочинений: в 6-ти т. / пер. с нем.; под ред. А. Чанышева. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. Т. 1. Мир как воля и представление. 560 с.
5. **Ciocan C.** Heidegger and the Problem of Boredom // Journal of the British Society for Phenomenology. 2010. Vol. 41. № 1. January. P. 64-77.
6. **Dörendahl R.** Über die Bedeutung der Langeweile in Schopenhauers erstem Band der Welt als Wille und Vorstellung von 1819 // Schopenhauer-Jahrbuch. 2001. Bd. 82. S. 11-29.
7. **Große J.** Philosophie der Langeweile. Weimar: Springer-Verlag GmbH, 2008. 199 S.
8. **Guyer P.** Pleasure and Knowledge in Schopenhauer's Aesthetics // Schopenhauer, Philosophy, and the Arts / ed. by D. Jacquette. N. Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 109-133.
9. **Hübscher A.** Schopenhauer und Existenzphilosophie. Zur Eröffnung der Wissenschaftlichen Tagung // Schopenhauer-Jahrbuch. 1962. Bd. 43. S. 3-4.
10. **Kessel M.** Langeweile: zum Umgang mit Zeit und Gefühlen in Deutschland vom späten 18. bis zum frühen 20. Jahrhundert. Göttingen: Wallstein Verlag, 2001. 411 S.
11. **Salaquarda J.** Charakter und Freiheit. Über Problematik und ‚Wahrheit‘ einer These Schopenhauers // Die Deutung der Welt. Jörg Salaquardas Schriften zu Arthur Schopenhauer / hrsg. von K. Broese, M. Kofler, B. Salaquarda. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2007. S. 161-169.
12. **Vandenabeele B.** Schopenhauer on the Values of Aesthetic Experience // The Southern Journal of Philosophy. 2007. Vol. XLV. P. 565-582.

A. SCHOPENHAUER AND M. HEIDEGGER ON THE PHENOMENON OF BOREDOM: COMPARATIVE ANALYSIS

Kornienko Aleksei Gennadievich
Saint Petersburg University
akornienko@yandex.ru

The article tackles the problem of interpreting the phenomenon of boredom in A. Schopenhauer's and M. Heidegger's works. This problem has not been previously investigated by domestic and foreign researchers. Analysing A. Schopenhauer's views on the nature of boredom in the context of his metaphysical conception of will as a "thing in itself" and M. Heidegger's interpretation of boredom as a fundamental mood, the researcher identifies evident similarities as well as historical and philosophical parallels in their interpretations.

Key words and phrases: boredom; time; negative pleasure; fear; horror; fundamental mood; negativity; Dasein.

¹ ««Negativität des Daseins», die Sinnlosigkeit und Absurdität von Welt, Wirklichkeit und menschlichem Sein und Leben, das Herausheben bestimmter menschlicher Grundstimmungen wie Not, Ekel und vor allem der Langeweile – alles dies sind Grundideen nicht erst der Existenzphilosophie: sie finden sich zunächst bei Schopenhauer selbst» (перевод автора статьи. – А. К.).